

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.59

**В.И. Молодин¹, Л.А. Конева², М.А. Чемякина¹,
Д.В. Степаненко³, О.А. Позднякова¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru
E-mail: dimolka@gmail.com

²Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия
E-mail: zoology@rambler.ru

³Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: stepanenko8@rambler.ru

ИХТИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ОДИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТНИКА ПРЕОБРАЖЕНКА-6*

В статье проанализированы ихтиологические находки из ям, сопровождавших захоронения одиновской культуры на памятнике Преображенка-6 (Барабинская лесостепь). Охарактеризованы методические аспекты работы с ихтиологическими материалами из археологических комплексов. Произведена диагностика видового и возрастного состава рыб, определены время вылова и численность особей. Анализ находок, залежавших в ямах вместе с остатками рыб, а также оценка особенностей пространственного размещения этих ям позволили сделать выводы о специфике использования рыбы в ритуальной практике носителей одиновской культуры.

Ключевые слова: эпоха бронзы, одиновская культура, ихтиологические материалы, ритуальная практика.

Введение

Археологический комплекс Преображенка-6 находится на краю надпойменной террасы правого берега р. Оми в 5 км к западу от с. Старая Преображенка в Чановском р-не Новосибирской обл. (рис. 1). Памятник, территория которого подвергалась интенсивной распашке, открыт В.И. Молодиным в 1973 г. [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 123]. В дальнейшем с учетом характера сборов с поверхности пашни было сделано предположение о наличии здесь не только поселенческих, но и разновременных погребальных комплексов [Молодин и др., 2004]. В 2004–2010 гг. на памятнике проводились археолого-геофизические

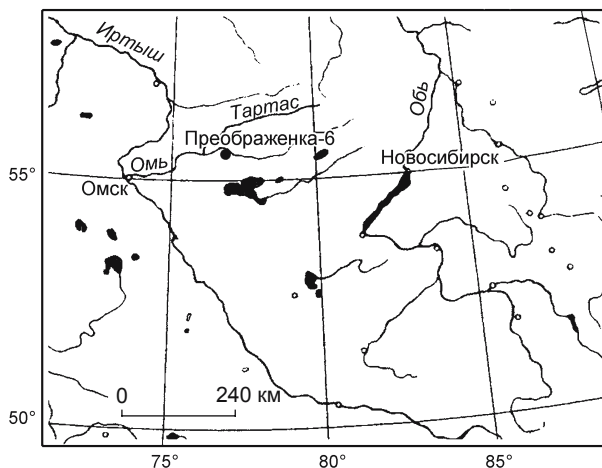

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Преображенка-6.

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 11-066-12002 ОФИ-М-2011.

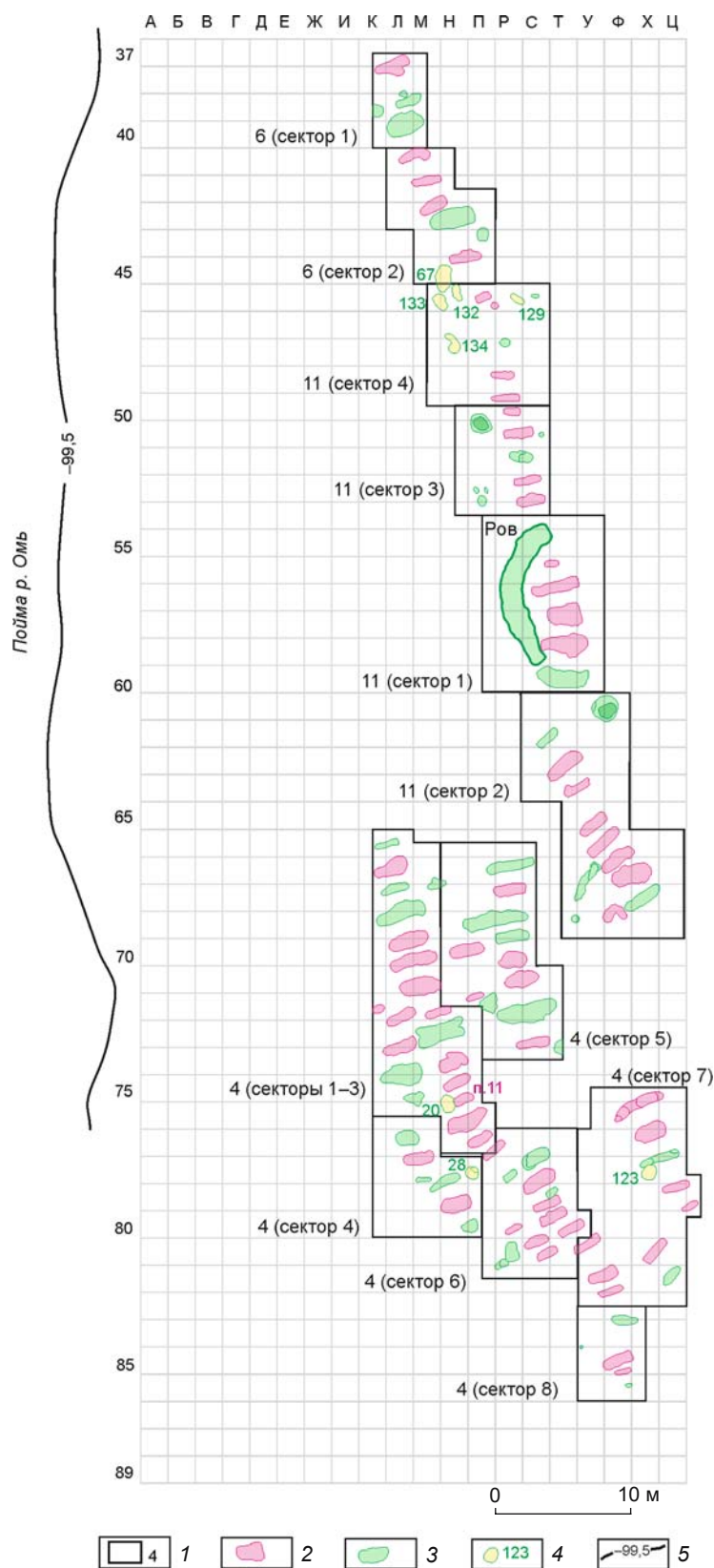

Рис. 2. План одиновского комплекса памятника Преображенка-6. 1 – границы раскопок с указанием номера; 2 – погребения; 3 – яма; 4 – яма с костными остатками рыб; 5 – край террасы.

исследования. На основе данных магнитометрической съемки (за эти годы ею охвачена территория площадью 33 720 м²) была составлена подробная геомагнитная карта памятника, что позволило на качественно новом уровне спланировать стратегию его археологического изучения. За короткий период на Преображенке-6 выявлены и исследованы комплексы усть-тартасской, одиновской и андроновской культур эпохи бронзы, саргатской культуры раннего железного века, а также тюркского времени и позднего средневековья [Дядьков и др., 2005; Молодин, Чемякина, Позднякова, 2007; Молодин и др., 2008, 2010].

Наиболее репрезентативной частью памятника является погребально-поминальный комплекс одиновской культуры. Еще до начала раскопок с учетом материалов геофизических исследований он был диагностирован как грунтовый могильник, определены границы его распространения и особенности планиграфии [Дядьков и др., 2005, рис. 2]. В 2005–2010 гг. раскопами № 4, 6, 11 вскрыто 1 055 м² площади этого комплекса, изучены 63 погребения и 55 ям, вытянутых цепочками по линии ССЗ – ЮЮВ (рис. 2). Результатами археологических раскопок полностью подтвердились данные магнитометрии. Исследование некрополя стало определенной вехой на пути формирования современных представлений об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи. Расширение информационной базы позволило соотнести этот могильник с комплексами одиновского этапа эпохи ранней бронзы, который ранее был представлен только материалами поселений. На основе изучения совокупного массива источников В.И. Молодиным был поставлен вопрос о выделении особой одиновской культуры, бытование которой определяется III тыс. до н.э. Некрополь памятника Преображенка-6 диагностирован эталонным, обладающим всеми характерными чертами одиновских погребальных комплексов [Молодин, 2008, 2010].

Особенностью одиновского могильника Преображенка-6 является сосредоточение сопроводительного материала преимущественно в ямах, расположенных в одном ряду с погребениями либо в непосредственной близости от них вне ряда. В инвентаре преобладает керамика,

в т.ч. целые сосуды, имеются также предметы из камня и отходы их производства, кости животных и птиц. Особый интерес представляет немногочисленная группа ям с остатками ихтиофауны, анализу которых и посвящена представленная работа. Результаты, изложенные в ней, – итог многолетних исследований; они дают возможность не только оценить разнообразие природных ресурсов и особенности рыбного промысла в эпоху бронзы, но и определить особенности ритуальной практики носителей одиновской культуры.

Методические аспекты обработки ихтиологических материалов из археологических комплексов

Одна из первых попыток анализа костных остатков рыб нашла отражение в статье А.Н. Гундризера. По находкам с поселения Еловка им выделено семь видов рыб и дана их характеристика [1966]. Позже Е.А. Цепкин и В.А. Могильников, основываясь на результатах остеологических исследований, реконструировали особенности рыболовства у населения лесного Прииртышья в эпоху железа [1968]. В 1988 г. была опубликована монография С.И. Эверстова «Рыболовство в Сибири. Каменный век», в которой предложена типология рыболовных орудий и основных атрибутов сетей, реконструированы приемы рыбной ловли [1988]. Отдельная глава книги посвящена характеристике рыбного промысла у неолитического населения Сибири, в т.ч. территории Приобья. Рыболовство у носителей самусьской культуры эпохи развитой бронзы рассмотрено В.И. Молодиным и И.Г. Глушковым в монографии «Самусьская культура в Верхнем Приобье» [1989]. Исследователи определили его как сетевое, в основном летнее, отметили основные циклы рыбной ловли. Е.А. Сидоров, основываясь на материалах различных памятников, подробно проанализировал такие орудия рыбной ловли, как гарпуны, каменные грузила, крючки и пр. и охарактеризовал рыболовство у населения лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. [1989, с. 32–41]. В последние годы появилось несколько статей, посвященных рыболовству у населения эпохи поздней бронзы и времени перехода от эпохи поздней бронзы к эпохе железа Новосибирского Приобья. Так, по материалам поселения Берёзовый Остров I выделен сетевой способ лова с использованием крупноячеистой сети, а также определен видовой состав ихтиологических остатков [Конева и др., 2006].

Анализируя историю исследования остатков ихтиофауны из археологических памятников Западной Сибири, можно сделать вывод, что эта проблема не получила должного освещения. Характеристика рыболовства строилась чаще всего на результатах

изучения орудий рыбного промысла и гораздо реже – ихтиологических материалов. Это связано отчасти с тем, что ихтиологические остатки сохраняются в археологических комплексах нечасто. Но, пожалуй, главные причины такого положения дел – малочисленность специалистов, которые желали бы работать с палеоихтиофауной, а также крайне низкий уровень междисциплинарного взаимодействия.

Чтобы составить представление о возможном разнообразии видов рыб в ископаемых материалах, необходимо прежде всего знать ихтиофауну водоемов региона исследования. Каждый вид рыб имеет свои морфологические особенности. Однако обычные определители для установления вида рыб [Веселов, 1977; Рыбы СССР..., 1969], основанные на внешних признаках, для такого анализа не годятся, т.к. археологические материалы, как правило, представлены только костными фрагментами скелета и чешуей.

Точность определения вида рыб зависит от количества и сохранности фрагментов скелета, отличающих один вид от другого. Череп костных рыб устроен по единой схеме, но размеры, форма, конфигурация составляющих его костей видово-специфичны. Коллекция черепов основных промысловых рыб Сибири, подготовленная одним из авторов статьи, дает возможность любой остеологический материал, найденный при раскопках, идентифицировать до вида путем сравнительного анализа. Приведем характеристику основных видов рыб, выявленных в ходе исследования.

*Язь (*Leuciscus idus*)* распространен в Средней Европе и Сибири. Обитает в больших равнинных реках и озерах. Особенно многочислен в реках с пойменными озерами. Зимует в русле рек, глубоких протоках. В озерах язь собирается весной в крупные стаи и выходит к устьям рек, где и нерестится на камни или растительность, после нереста вновь возвращается на озерные плесы. В Новосибирской обл. язь обитает в таких крупных озерах, как Чаны, Сартлан, Убинское. Язь – ценная промысловая рыба, имеющая хорошие вкусовые качества. В Сибири вылавливается основная масса язя, добываемая в России.

*Карась золотой, или обыкновенный (*Carassius carassius*)* распространен в Средней и Восточной Европе, а также в Сибири до р. Лены. Живет в заболоченных, заросших водоемах, в пойменных озерах. В реках карась редок, держится на участках с медленным течением. Данный вид отличается особенной привязанностью к водам с илистыми грунтами. На зиму карась закапывается в ил и выживает даже тогда, когда в холодные бесснежные зимы мелкие стоячие водоемы промерзают до самого дна. Таковую же стойкость он проявляет и при летних засухах, когда озера и болота, в которых он живет, полностью пересыхают. Карась способен закопаться в ил на глуби-

ну до 70 см. Вероятно, этой его особенностью можно объяснить случаи загадочного появления карася в пересохших озерах Северного Казахстана после заполнения их водой.

Карась серебряный (*Carassius auratus*) отличается от золотого большим количеством жаберных тычинок, серебристой окраской боков и брюшка, черным цветом брюшины. Он более привязан к большим озерам, встречается в крупных реках. Благодаря необыкновенной выносливости к неблагоприятным факторам, карась часто является единственным представителем ихтиофауны водоемов. Нерест у карася порционный. Плодовитость большая – до 300 тыс. икринок. Растет карась в различных водоемах по-разному, может достигать длины 45 см и веса более 3 кг [Жизнь животных, 1971, с. 323–324].

Щука обыкновенная (*Esox lucius*) – среди пресноводных рыб имеет один из самых обширных ареалов, в который входит территория Западной Сибири. Населяет водоемы с разным гидрологическим режимом, но предпочитает озера, озероподобные расширения и заливы рек. Держится среди зарослей водной растительности. Данный вид переходит на хищное питание в первый год жизни и может достигать длины более 1,5 м, веса 35 кг и более. Щука мечет икру сразу после таянья льда, при температуре 3–6 °С. Во время нереста выходит на мелководье [Там же, с. 201–203].

Окунь (*Perca fluviatilis*) обитает в водоемах на большей части Европы, восточная граница его ареала доходит до р. Лены. Эта рыба является повсеместным обитателем рек и озер Западной Сибири. Средняя длина тела окуня колеблется от 15 до 25 см, вес взрослой особи до 1 кг. Чем крупнее окунь, тем меньше рыб держится в одной стае. Крупный окунь обитает в одиночку и по повадкам напоминает щуку. В течение первого года жизни он питается преимущественно планктоном и личинками насекомых, затем – рыбой. Нерест окуня начинается при первом таянье льда, когда температура воды достигает 7–8 °С, но не выше 15 °С. Окунь обычно нерестится в тенистых участках водоема. Весной его ловят главным образом вблизи мест нереста [Там же, с. 438–439].

Перечисленные виды рыб являются самыми многочисленными представителями исконной ихтиофауны в различных водоемах Западной Сибири. Они достигают значительных размеров, обладают высокими вкусовыми качествами и наиболее часто употребляются в пищу. Добыча этих видов возможна практически круглый год, чем, вероятно, и объясняется их обычное присутствие в ритуальной практике древнего населения.

Определение рыб было проведено по набору признаков, характерному для каждого вида: костям черепа, чешуе, позвонкам, костным фрагментам плав-

ников и пр. Все части скелета – череп, позвоночный столб, пояс конечностей и плавники – имеют разный уровень деформации, зависящий от условий и длительности захоронения. Есть в этом и видовая специфика. Например, у окуня хуже всех сохраняются кости черепа, т.к. они очень тонкие и ломкие. Позвоночный столб у всех рыб обычно рассыпается на позвонки, кости основания черепа часто дробятся на мелкие фракции. Кости челюстей (особенно у щуки), жаберных крышек, а также вторичного плечевого пояса (кости клейструма) менее всего подвержены разрушению. Уровень сохранности чешуи тоже бывает разный, но ее видовую принадлежность обычно можно определить довольно четко. У карася и зяя чешуя циклоидная (рис. 3, 1), округлая либо в форме несколько вытянутого овала (рис. 4). Склериты (отложения солей кальция), образующие годичные кольца, закладываются на ней концентрическими кругами. У карася свободный край чешуи темнее, чем внутренний, погруженный в кожу, тогда как у зяя чешуя однотонная. Чешуя окуня и щуки ктеноидная (см. рис. 3, 2). Передний край ее у окуня покрыт мелкими зубчиками, склериты не образуют концентрических кругов. Для щуки характерна другая форма чешуи (рис. 5).

Приступая к работе с ископаемым материалом, необходимо прежде всего выбрать все костные элементы из массы чешуйного покрова. Сначала следует подсчитать парные компоненты, например, жаберные крышки, которые сохраняются лучше всего. Это дает возможность с большей точностью подсчитать количество особей в яме. По костям и характеру чешуи определяют видовой состав рыб в данном материале, затем – возрастные особенности.

Золотой и серебряный караси – очень близкие виды. Они различаются лишь по чешуе: у золотого карася она гладкая, у серебряного – шероховатая; скелеты практически неотличимы. Однако в археологическом материале эту разницу зачастую трудно уловить, т.к. к чешуйкам приклеиваются окаменевшие частицы почвы и установить гладкая она или шероховатая невозможно. Карась серебряный встречается гораздо реже, поэтому при определении вида чаще всего указывают «карась золотой». При любой сохранности черепа карась лучше всего определяется по костям жаберной крышки и глоточным зубам. Жаберная крышка у всех костистых рыб состоит из четырех костей: крышечной (самая большая), предкрышечной, подкрышечной и межкрышечной. У карасей крышечные кости имеют характерную форму и продольно бороздчатую поверхность (рис. 6). Крышечные кости сохраняются лучше всего благодаря большой толщине и бороздчатой структуре. Важным диагностическим признаком всех карповых являются глоточные зубы. Они располагаются на особых костях в глотке и име-

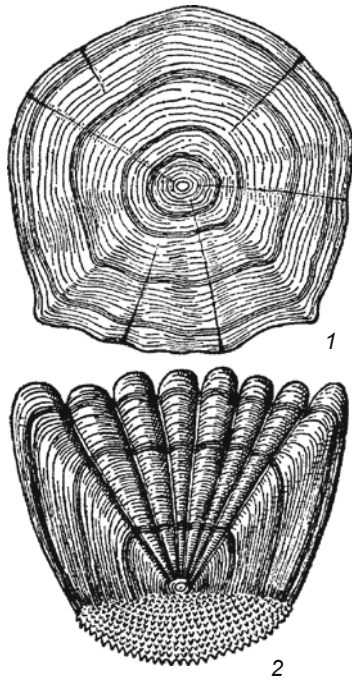

Рис. 3. Типы чешуи.
1 – циклоидная; 2 – ктеноидная.

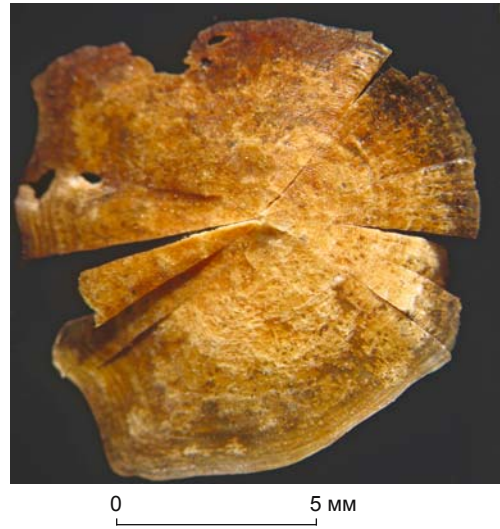

Рис. 5. Микроснимок фрагмента чешуи щуки, возраст 16 лет.

Рис. 4. Микроснимки чешуи карася (1) и язя (2).

Рис. 6. Жаберные крышки карася – крышечные кости.

Рис. 7. Глоточные зубы карася.

Рис. 8. Жаберные крышки язя – крышечные кости.

Рис. 9. Глоточные зубы язя.

ют свои видовые особенности. У карасей на парных глоточных костях имеется по четыре зуба весьма характерной формы (рис. 7). Иногда установить наличие карася удается также по первому колючему лучу спинного и анального плавников. Они зазубрены и имеют вид небольшой пилочки.

Если сохраняются фрагменты черепа язя, то идентификация его проводится по жаберным крышкам и глоточным зубам. В отличие от карася у язя крышечная кость гладкая, почти четырехугольной формы (рис. 8). Глоточные зубы двухрядные (в верхнем ряду три зуба, в нижнем – пять), с характерным крючком на концах (рис. 9).

Чешуя окуня мелкая, в археологических объектах сильно деформированная; весьма характерным явля-

ется разделение ее по зубцам в виде треугольных сегментов. Из костей черепа лучше всего сохраняется парасфеноид, находящийся на дне черепа и имеющий весьма характерный вид (рис. 10). Жаберные крышки своеобразные – крышечная кость треугольной формы с особым шипом в верхней части (рис. 11); по ней безошибочно определяется этот вид. Кроме того, иногда сохраняются колючие лучи первого спинного плавника (всего их два), лучи в пробах приобретают вид жестких «палочек», слегка сужающихся к свободному концу.

Если сохраняются челюсти щуки, то ошибиться в определении этого вида невозможно. Особенно характерна нижняя челюсть с сильно вытянутыми зубными костями и длинными клыкообразными зубами (рис. 12). Лобные и теменные кости тоже удлиненные. Чешуя часто делится на две части по выступающим лопастям, но всегда чистая, без окаменелостей, с хорошо заметными годовыми кольцами.

Рис. 10. Парасфеноид черепа окуня.

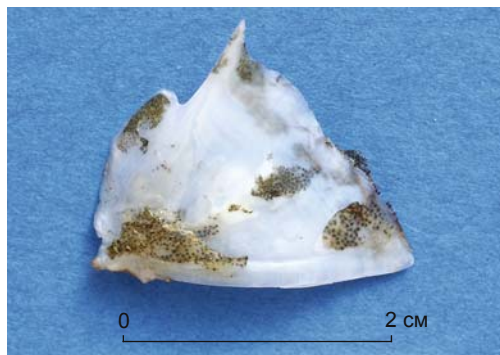

Рис. 11. Жаберная крышка окуня – крышечная кость.

Рис. 12. Нижняя челюсть щуки.

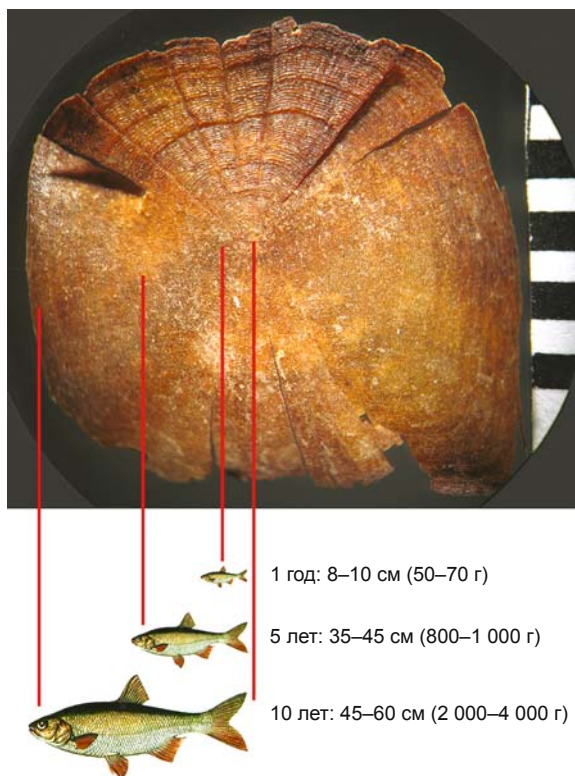

Рис. 13. Динамика роста язя.

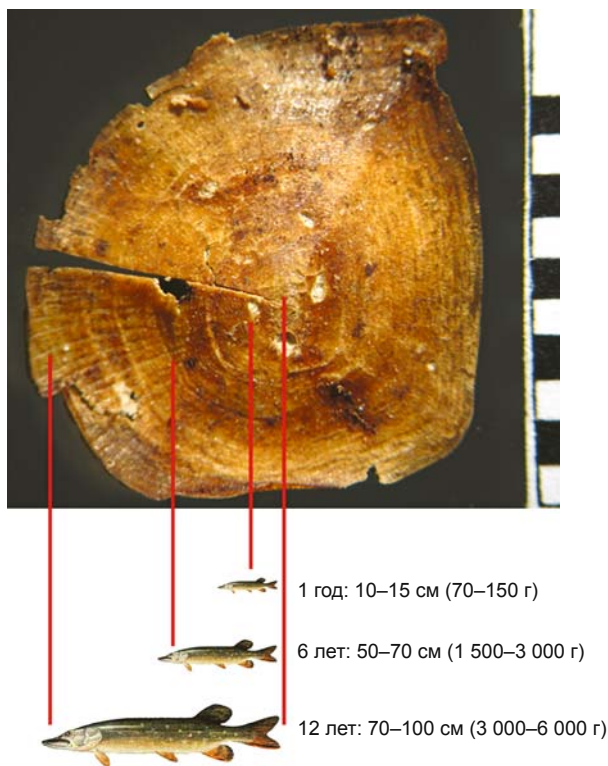

Рис. 14. Динамика роста щуки.

Особенно сложным в работе с остеологическим материалом из археологических объектов является установление возраста рыб. Методика его определения общепринята и осуществляется путем подсчета годовичных колец на чешуе [Правдин, 1966; Никольский, 1971]. Уже у сеголетков начинают откладываться в виде концентрических колец соли кальция – склериты. Скорость закладки склеритов постоянна, темп роста чешуи разный. Летом при интенсивном росте рыбы и чешуи расстояния между склеритами больше, зимой меньше. Поскольку рост рыбы зимой уменьшается либо прекращается совсем, то склериты ложатся почти друг на друга. Поэтому летние склериты кажутся светлыми, зимние – темными. Эти образования называют годовичными кольцами (рис. 13, 14).

Подсчет годовичных колец у современной рыбы не вызывает трудностей. Однако если чешуя пролежит в земле не одну тысячу лет, она либо разрушается, либо покрывается частицами окаменевшей почвы. Годовичные кольца рыбы лучше изучать на сухой чешуйке при постоянном движении винта, регулирующего увеличение или уменьшение объекта. В этом случае граница годовичных колец начинает проявляться лучше. Для подсчета нами использовалась бинокулярная лупа с увеличением 12,5 крат. Чтобы определить возраст одной особи, порой приходится просматривать

десятки и даже сотни чешуй. Материал, как правило, содержит остатки нескольких рыб разных видов, поэтому измерение возраста, безусловно, требует кропотливого труда и большой затраты времени.

Результаты анализа ихтиологических материалов из ям одиновской культуры памятника

В материалах из ям одиновской культуры выделены четыре вида рыб: язь, карась (золотой и серебряный), щука и окунь (см. таблицу). Три из восьми ям, содержащих ихтиологические остатки были исследованы в раскопе № 4 (см. рис. 2). Яма № 20 находилась рядом с детским погребением одиновской культуры (рис. 15). Ребенок был уложен на спину, вытянуто, головой на ВСВ. В могильной яме обнаружены каменные скребок (рис. 16, 3) и фрагмент ножевидной пластины, миниатюрное бронзовое шило и фрагмент венчика сосуда. Согласно стратиграфическим наблюдениям, это захоронение частично перерезает яму, которая, по-видимому, была сооружена раньше.

Ихтиологический материал из ямы № 20 представлен большим количеством чешуи и ребер, а также жаберными крышками разной степени сохранности, лучами плавников, элементами плечевого

**Ихтиологические и другие находки из ритуальных ям одиновской культуры
на памятнике Преображенка-6**

№ раскопа, ямы	Карась		Язь		Щука		Окунь		Другие находки
	Кол-во особей	Возраст, лет	Кол-во особей	Возраст, лет	Кол-во особей	Возраст, лет	Кол-во особей	Возраст, лет	
4, 20	–	–	15	7, 9, 11, 13, 14	–	–	–	–	Мелкие обожженные кости животных, вкладышевый нож, скребок, отщеп, кость животного
4, 123	–	–	3–4	9, 11, 12	8	10, 12, 14, 15, 16, 19, 20, 22	10	6, 8, 9, 10, 12	Каменное вкладышевое орудие и фрагмент керамики без орнамента
6, 67	–	–	–	–	–	–	2	6–7, 8–9	Несколько фрагментов одного сосуда
11, 129	1	7–8	–	–	–	–	–	–	Фрагмент керамики
11, 133	20–23	6, 7, 8, 9	–	–	–	–	–	–	Семь фрагментов керамики, лопатка лошади, фрагменты черепа и позвонки собаки
11, 134	30	6, 7, 8, 9, 10	–	–	–	–	–	–	Костяное орудие, фрагменты обработанной кости, пять фрагментов керамики, копыто лошади

пояса, позвонками и фрагментами глоточных зубов. Диагностика видового состава рыб произведена по целому комплексу признаков: чешуя циклоидная, неплохо сохранившаяся, типичная для язя; жаберные крышки гладкие, также обычной для язя формы; глоточные зубы однорядные, с характерными для язя крючочками на конце. Возраст рыб 7, 9, 11, 13 и 14 лет. С учетом возраста рыб масса их тела могла варьироваться от 600–700 до 2 000–2 500 г. В яме обнаружено 26 жаберных крышек, из чего следует, что в ней находилось не менее 15 особей язя. При этом обнаружено всего семь фрагментов глоточных зубов. Возможно, перед использованием в ритуальных целях рыбу чистили и вместе с жабрами удаляли глоточные зубы. В заполнении ямы № 20 обнаружены также мелкие обожженные кости животных, роговой вкладышевый нож с каменной ножевидной пластиной (рис. 16, 1), кость животного, а также скребок и отщеп из камня (см. рис. 15).

Яма № 123 примыкала к ритуальной яме, расположенной в одном ряду с погребениями одиновской культуры (см. рис. 2). Здесь найдены глоточные зубы и чешуя трех-четырех особей язя массой примерно от 800 до 1 500 г. Возраст рыб 9, 11 и 12 лет. В заполнении объекта обнаружены чешуя и кости примерно десяти особей окуня 6, 8, 9, 10 и 12 лет. Поскольку чешуя крупная, то масса тела могла достигать 600–800 г. В данной яме зафиксирована чешуя щук. Учитывая количество и размеры можно заключить, что было около восьми особей рыб возрастом 10, 12, 14, 15, 16, 19, 20 и 22 лет. На чешуе всех видов рыб последнее годовое кольцо завершено, что свидетельствует о вы-

лове в конце зимы – начале весны. Поскольку щуки старшевозрастные, они имели большую массу тела. В яме найдены также каменное вкладышевое орудие и фрагмент керамики без орнамента.

Яма № 28 находилась между двумя рядами погребений и ям одиновской культуры (см. рис. 2). Вместе с остатками рыб здесь обнаружены каменное орудие на отщепе с двумя рабочими отретушированными гранями, четыре фрагмента керамики без орнамента, а также фрагменты костей лошади, лося, медведя и собаки. К сожалению, ихтиологический материал из этой ямы оказался непригоден для анализа.

Комплекс из пяти ям, содержащих ихтиологические остатки, зафиксирован в раскопах № 6, 11. Четыре ямы (№ 67, 132–134) компактной группой располагались к западу, а одна (№ 129) – к востоку от выявленного в этих раскопах ряда одиновских погребений и ям (см. рис. 2).

Материал из ямы № 67 очень метаморфизирован, состоит из мельчайших фрагментов костей черепа и сегментов чешуи. По нескольким чешуйкам хорошей сохранности был определен вид рыбы – окунь в возрасте 6–7 и 8–9 лет, что может соответствовать массе тела 250–500 г. Крышечные кости черепа сильно разрушены, но у них сохранился острый треугольный наружный край. Из рыб, обитающих на юге Западной Сибири, только окунь имеет такую форму крышечных костей. В яме обнаружено также несколько фрагментов сосуда.

В яме № 129 после зачистки уровня дна выявлено округлое углубление размерами 0,38×0,43×0,14 м, в заполнении которого найдены фрагмент керамики и

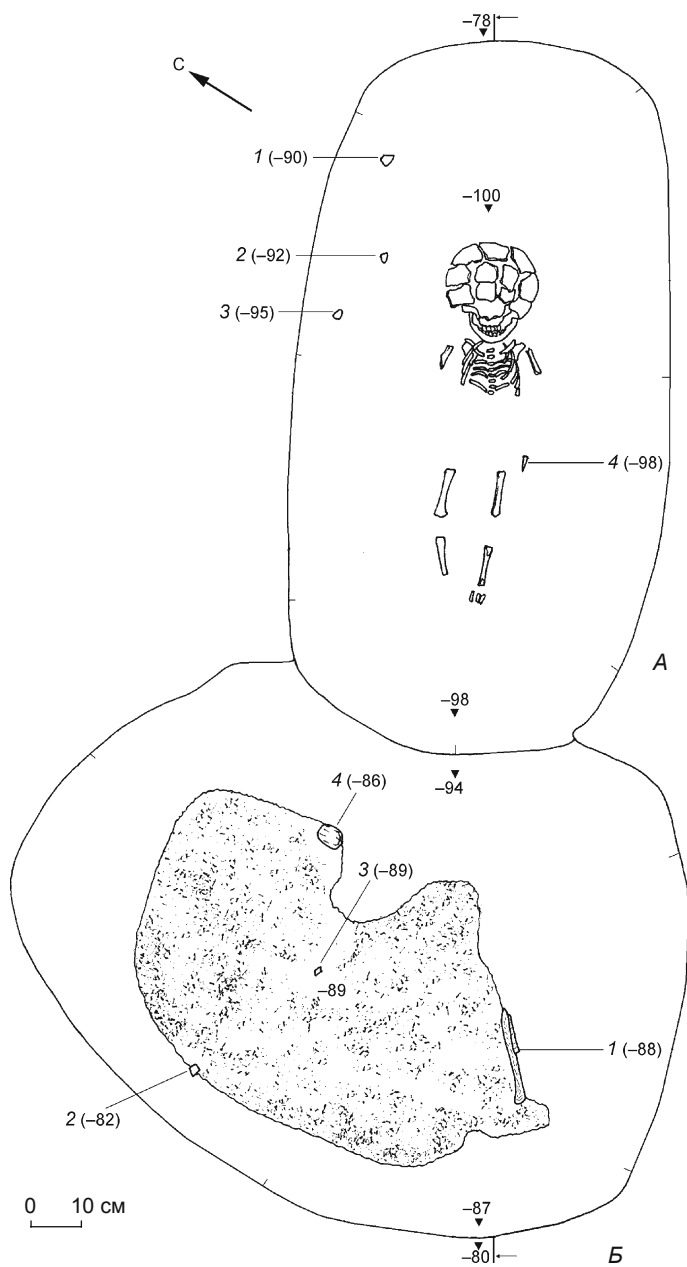

Рис. 15. План погр. № 11 (А) и ямы № 20 (Б).
 Погребение № 11: скребок (1) и фрагмент ножевидной пластины (2) из камня, фрагмент керамики (3), бронзовое шило (4).
 Яма № 20: роговой вкладышевый нож с каменной ножевидной пластиной (1), скребок (2) и отщеп (3) из камня, кость животного (4).

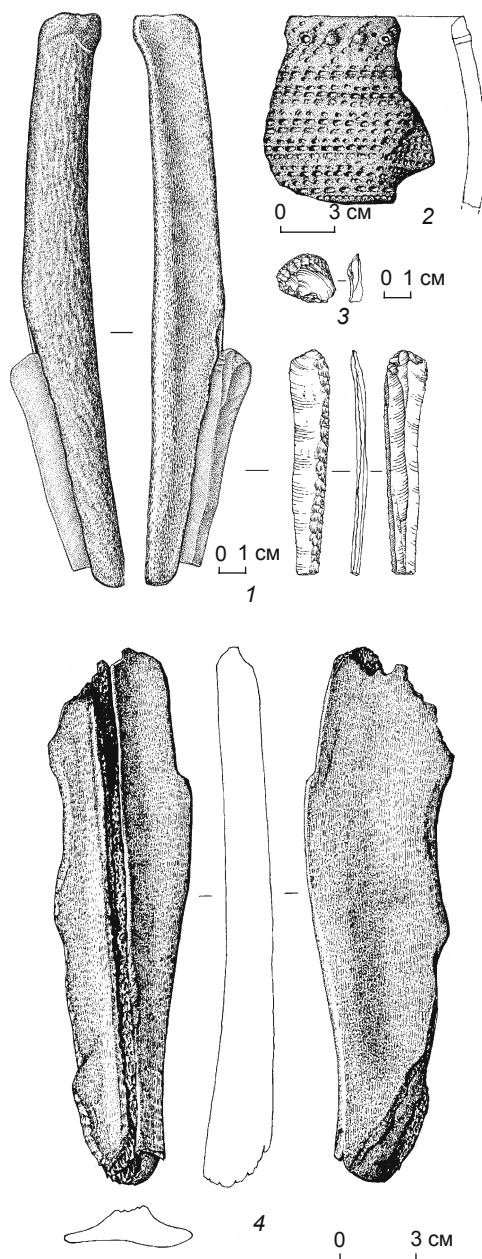

Рис. 16. Предметный комплекс одиновской культуры.
 1 – роговой вкладышевый нож с каменной ножевидной пластиной, 2 – фрагмент керамики, 3 – каменный скребок, 4 – костяное орудие. 1 – яма № 20; 3 – погр. № 11; 2, 4 – яма № 134.

остатки рыбы. Обнаружены четыре позвонка, фрагменты жаберных крышек, несколько костных лучей плавников, «пилка» первого костного луча анального плавника, несколько чешуек. Все кости принадлежат одной особи карася в возрасте 7–8 лет.

Ихтиологический материал из ямы № 132 оказался непригоден для анализа. Каких-либо других предметов в этой яме не обнаружено.

В ямах № 133, 134 чешуя и кости рыб залежали слоями, которые были отделены друг от друга стерильными прослойками грунта мощностью 1–10 см. В заполнении ямы № 133 материал слоя 1 (верхнего) представлен чешуей и костями жаберных крышек четырех особей карася. Последнее годичное кольцо завершено, следовательно, вылов производился поздней осенью или ранней весной. В зимнее время карась

спит, поэтому в уловах встречается редко. Наиболее вероятное время вылова – поздняя осень, поскольку весной, когда карась начинает питаться, растет и новое годовичное кольцо, но этого зафиксировано не было. Ширина кольца позволяет судить о его завершенности. Имеются еще мальковые кольца, расположенные в центре чешуи (они формируются, когда рыба является мальком), но они не соответствуют приросту за один год. Таким образом, ряд признаков позволяет сделать вывод, что слой 1 ямы № 133 содержал остатки двух особей карася 7 и 9 лет и еще двух 8 лет. Слой 2 также состоял из чешуи и костей черепа карася. Хорошо сохранились 32 крышечные кости. Подкрышечные, межкрышечные и заднекрышечные кости представлены фрагментарно. Согласно количеству крышечных костей, карасей было не менее 16, может быть, даже 19 особей. Им соответствует большое количество чешуи. Возраст рыб 6, 7 и 8 лет. Одна особь, возможно, 9 лет.

В яме № 133 обнаружены остатки 20–23 особей карася. Возможная масса тела каждого 300–500 г. Вероятно, рыба была выловлена сетями. Необходимо отметить, что в заполнении данной ямы отсутствовали позвонки, ребра и глоточные зубы. Последние, возможно, были вырваны вместе с жабрами во время чистки рыбы, чтобы она не портилась. Поскольку ихтиологический материал состоял только из чешуи и костей черепа, можно предположить, что в яму № 133 помещали лишь рыбью кожу с головой.

В этой яме найдены также семь фрагментов керамики, лопатка лошади, а также в сочленении фрагменты черепа и двух первых позвонков собаки.

В заполнении ямы № 134 зафиксировано четыре слоя рыбы (рис. 17). Слой 1 включал чешую в виде сегментов, мелкие фракции жаберных крышек (на-

Рис. 17. Яма № 134. Вид с Ю-В.

столько мелкие, что подсчитать их количество, даже приблизительно, не представляется возможным) и один позвонок карася. В данном слое представлен карась трех возрастных групп – 6, 7 и 8 лет. Изредка встречается чешуя с девятым кольцом, но, возможно, это дополнительное кольцо, т.к. четкости в его проявлении нет. Последнее годовичное кольцо у всех рыб завершено, следовательно, вылов производился поздней осенью или ранней весной. Материал из слоя 2 также составляют чешуя и мельчайшие фракции костей жаберных крышек карася. Чешуя раздроблена на сегменты, но годовые кольца на ней видны лучше, чем на чешуе из слоя 1. Возраст рыбы 7, 8, 9 и 10 лет. Годичные кольца завершены. В слое 3 обнаружены большое количество чешуи (также сильно разрушенной) и костей жаберных крышек (крышечных и подкрышечных), а также отдельные кости черепа (теменные и лобные) карася. Подсчитать точное количество особей трудно, т.к. целых костей мало. Судя по количеству чешуи и костей, было 10–15 особей карасей 6, 7, 8 и 9 лет. Чаще встречаются особи 7 и 9 лет. Годовое кольцо завершено, вероятно, это осенний улов. Возможная масса тела от 300 до 500 г.

В слоях 2, 3 во фрагментарном виде обнаружено ок. 100 глоточных зубов. У карася золотого и серебряного по четыре зуба с каждой стороны, следовательно, найденные зубы принадлежали 12–15 особям рыб, что в целом соответствует количеству чешуи.

В слое 4 найдено большое количество чешуи золотого и серебряного карася (у золотого чешуя гладкая, у серебряного – шероховатая). В заполнении других ям представлены костные остатки только карася золотого. Здесь же обнаружены части черепа карася – фрагменты костей хондрокраниума, большое количество жаберных крышек (полуразрушенных), несколько позвонков, ребра и неветвистый луч анального плавника с семью-восемью зубчиками («пилка»). По характеру зубчиков, это луч серебряного карася. Возраст рыб составляет 7, 8 и 9 лет. Последнее годовичное кольцо завершено, как и на крышках рыб из всех предыдущих слоев. Девятилетние рыбы встречаются редко, в основном представлена чешуя семи- и восьмилетних. Судя по количеству чешуи и костям черепа, в слое 4 также было не менее 10–15 особей карасей.

Как и в яме № 129, в центральной части ямы № 134 имелось небольшое углубление, в котором находился череп карася. Хорошо сохранились крышечные кости, глоточный зуб и два позвонка. Крышечные кости небольшие, что соответствует не крупному карасю, весом примерно 100–150 г. Поскольку чешуи нет, возраст данной особи определить невозможно.

В заполнении ямы № 134 было зафиксировано не менее 30 особей карася. У всех рыб годовичное кольцо завершено, что соответствует, скорее всего, вылову

в позднеосеннее время. Представлены пять возрастных групп: 6, 7, 8, 9 и 10 лет. Масса всех обнаруженных рыб, за исключением одной из углубления, в пределах 300–500 г, поэтому можно предположить, что вылов производился сетями. Такому весу рыбы соответствуют сети «сороковка» или «пятидесятка» с ячейкой размерами 4×4 или 5×5 см.

Помимо ихтиологического материала в яме № 134 на уровне верхнего горизонта обнаружены костяное орудие (см. рис. 16, 4), мелкая кость со следами сколов и пять фрагментов керамики. Представленный в коллекции венчик – маркер одиновской культуры (см. рис. 16, 2). В придонной части ямы найдено копыто лошади.

Выводы

Результаты анализа ихтиологических материалов из ям на территории одиновского погребального комплекса памятника Преображенка-6 позволяют сделать вывод о том, что мы имеем дело не с остатками ям-хранилищ для содержания рыбы как продукта питания (способ, используемый многими аборигенами Сибири). Ямы, судя по их расположению на территории некрополя и приуроченности к погребальным комплексам, были связаны с погребальной практикой.

Учитывая наличие «чистой» магнитограммы памятника, можно утверждать, что основная часть одиновского комплекса нами уже изучена. Не вызывает сомнений, что центром всего могильника, вытянутого по линии ССЗ – ЮЮВ, является площадка, ограниченная с западной стороны дугообразным рвом (см. рис. 2). Именно на этой площадке в одном из захоронений была обнаружена уникальная для этого комплекса находка – бронзовый втульчатый наконечник копья с отверстием для крепления и ушком, выполненный в традициях сейминско-турбинского литья [Молодин и др., 2007, рис. 2]. На территории могильника ямы, содержавшие ихтиологический материал, образовывали две компактные группы. Одна (ямы № 67, 129, 132–134) зафиксирована к северу от центра некрополя, другая (ямы № 20, 28, 123) – в южной периферии одиновского комплекса. Учитывая особенности планиграфического расположения ям с ихтиофауной, можно предположить, что ритуальные действия, связанные с их устройством, носили общий характер, хотя нельзя полностью исключить вероятность их приуроченности к конкретным захоронениям.

«Северные» и «южные» ямы различаются между собой. В северной части одиновского комплекса в ямах № 129, 134 в центре ниже уровня дна имеются небольшие углубления, в каждом из которых – кости

одной особи карася. В ямах № 129, 133, 134 найдены остатки карасей и только в яме № 67 – окуня. В ямах на южной периферии могильника состав рыбы иной: в яме № 20 были остатки язя, № 123 – язя, щуки и окуня. Таким образом, прослеживается связь между видовым составом рыб и расположением ям на планиграфической карте некрополя. По времени вылова рыбы можно предположить, что ямы в северной части комплекса создавались поздней осенью, а в южной – в конце зимы – начале весны. Устройство данных ритуальных объектов происходило в переходные периоды между сезонами.

Результаты анализа ихтиологических материалов позволяют утверждать, что для ритуальных целей отбирались взрослые, достаточно крупные особи. В ямы помещалась потрошенная рыба либо только кожа с головой. О ритуальном назначении этих сооружений свидетельствует, на наш взгляд, обнаруженный в четырех ямах набор предметов, состоявший из орудий, которые, видимо, использовались для чистки рыбы, а также фрагментов керамики и костей лошади, лося, медведя, собаки.

Известно, что образ рыбы в мифологических схемах древнего населения чаще всего является главным классификатором нижнего мира [Топоров, 1980, с. 391]; при этом спектр трактовки данного образа в мировой практике очень широк [Там же]. В данном случае мы наблюдаем, скорее всего, одно из проявлений жертвоприношения, связанного с погребальным обрядом. Если следовать классификации жертвоприношений, разработанной Е.О. Джеймсом, то ритуал помещения рыбы в яму можно отнести к обряду кормления умершего или божества [James, 1933]. Одним из объяснений его смысла могло быть приношение жертвы-дара и «независимо от цели дара получение ответных благ» [Дмитриева, 2000, с. 13]. Ритуалы подобного типа А.С. Токаревым определялись как особый (третий) аспект жертвоприношения – «заупокойно-кладбищенский» [1981, с. 32]. Полученные нами результаты позволяют сделать вывод, что жертвоприношения у одиновского населения имели ярко выраженный сезонный характер. Это может быть связано с приношениями богам природы, покровителям хозяйственных занятий [Жеребина, 2000, с. 29].

Обряд зарывания в землю у сибирских народов был самым популярным и самым древним «способом доставки жертвоприношений в иную сферу мироздания» [Косарев, 2000, с. 42]. Создание таких ям на кладбище, вероятно, обеспечивало «доставку» определенных жертвоприношений (в данном случае рыбы) сородичам, ушедшим в иной мир. Помещение в ямы именно рыбной пищи вполне могло быть связано с сакрализацией определенных пород рыб либо ихтиофауны в целом.

Список литературы

- Веселов Е.А.** Определитель пресноводных рыб фауны СССР. – М.: Просвещение, 1977. – 238 с.
- Гундризер А.Н.** Рыбы из поселения Еловка на Оби // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1966. – С. 119–123.
- Дмитриева Т.Н.** Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 11–22.
- Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А.** Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2005 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 304–309.
- Жеребина Т.В.** Система жертвоприношений у шаманов Северной Азии (к проблеме типологии) // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 23–41.
- Жизнь животных:** в 6 т. – М.: Просвещение, 1971. – Т. 4: Рыбы, ч. 1 / под ред. проф. Т.С. Расса. – 655 с.
- Конева Л.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С.** Ихтиологические материалы поселения Березовый Остров I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2006 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – С. 378–380.
- Косарев М.Ф.** Приобщение к внеземным сферам в сибирском язычестве (по жертвенным ритуалам и погребальным обрядам) // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 42–53.
- Молодин В.И.** Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. – С. 9–13.
- Молодин В.И.** Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 61–76.
- Молодин В.И., Глушков И.Г.** Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.
- Молодин В.И., Позднякова О.А., Чемякина М.А., Степаненко Д.В., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Борzych К.А.** Комплексные исследования памятника Преображенка-6 в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 251–255.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Софеев О.В., Михеев О.А., Позднякова О.А.** Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2004 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 378–383.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А.** Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 339–344.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А., Степаненко Д.В.** Новый могильник усть-тартасской культуры в Барабе (результаты археолого-геофизических исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2008 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 213–218.
- Никольский Г.В.** Частная ихтиология. – М.: Высш. шк., 1971. – 278 с.
- Правдин И.Ф.** Руководство по изучению рыб. – М.: Пищ. пром-сть, 1966. – 376 с.
- Рыбы СССР:** справочник-определитель географа и путешественника / В.Д. Лебедев, В.Д. Спановская, К.А. Савваитова, Л.И. Соколов, Е.А. Цепкин. – М.: Мысль, 1969. – 448 с.
- Сидоров Е.А.** Присваивающие виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 1989. – С. 16–41.
- Токарев С.А.** Жертвоприношения // Наука и жизнь. – 1981. – № 4. – С. 32–37.
- Топоров В.Н.** Рыба // Мифы народов мира: энцикл. – М.: Сов. энцикл., 1980. – Т. 2. – С. 391–393.
- Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И.** Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 180 с.
- Цепкин Е.А., Могильников В.А.** Рыболовство у населения лесного Прииртышья в эпоху железа // СА. – 1968. – № 3. – С. 54–61.
- Эверстов С.И.** Рыболовство в Сибири. Каменный век. – Новосибирск: Наука, 1988. – 144 с.
- James E.O.** The Origins of Sacrifice: A Study in Comparative Religion. – L.: Murray, 1933. – 416 p.

*Материал поступил в редколлегию 06.02.12 г.
в окончательном варианте – 16.02.12 г.*